

София Максимычева, г. Ярославль

Траве недолго шелестеть

Траве недолго шелестеть
и прятать запахи в карманы,
на половину или треть
убавят свет, что был протянут
от горизонта до небес
(цвет синеватый с поволокой).

Вальяжный селезень исчез,
оставив ряску одинокой.

А впрочем, всё уже равно;
живые стебли тянут руки
там, где водой искажено
пространство сонное.

Со скуки
развяжешь бантики, и ну
давай плести по новой косы,
где ты объятая разомкнул,
не дожидаясь сенокоса.

Короткое лето

Короткое лето, как жизнь в объективе,
где птица летит над макушками сосен.
И слышима осень в ближайшем порыве
холодного ветра, чей голос несносен.

Ах, как бы отсрочить смертельное время,
и выхватить кадры счастливой эпохи.
Не ведать бурлящего жерла подземок,
но вкус земляники и неба на вздохе.

Чарующий тембр переливчатой сойки,
и лица любимых, оставленных в прошлом,
и мамины пышные сдобные слойки,
и всё только то, что запоем хорощим!

Голос распевается с утра

Л. К.

Голос распевается с утра,
ночь приходит – стылая усталость:
иногда бывает, что не прав,
или слов случилось в жизни мало.
Кажется, всего-то ничего,
фразы – это мелочи, но только
с каждой неоконченной главой
обрастают души новой болью.

Как ты там? Упавшее перо
оттеняет золото на блюде,
столько растеряли вечеров
странно-положительные люди!

В южных Калифорниях жара,
в северной Пальмире тлеет осень;
знаешь, одиночество – не страх!
Так, ходьба по кругу между сосен...

Ангел осенний

Ангел осенний под яблонепадом,
гость неминуемый в алой одежде.
Мне бы его целовать до упаду,
не оставляя ревнивым надежду,
единовластием тешиться.
Глупый,
разве сравниться осевшим с беглянкой?
Осень моя, совершая поступок,
ходит по саду с осанкой дворянской,
мнётся листва под сафьяновой кожей.
Вкус на губах горьковатой рябины,
мне на неё становится похожей
под элегический гогот гусиный.
Всё до смешного доходит однажды,
мягкая кисточка мочку щекочет.
Лист можжевельный, шорох бумажный,
сморщенный ангел с младенческой щёчкой.

Ты обещал

Ты обещал, а может, я
всё это выдумала просто?
Захочешь встретить воробья –
вокруг разбрасываешь просо.

А разберёшься, ни к чему
посулы дальних книгочеев;
я к птичьей жалости прижмусь,
но всё равно заоченею.

Кормлю и мучаюсь, забудь!
Не всех дурёх облюбовали...
Всё ниже в градуснике ртуть,
и незначительней детали.

Твой анекдот завис вдали,
но я его перешагнула;
и воробьи разодрались,
пока их кошка не вспугнула.

Время - написать

Канатоходческая жизнь
меж двух стволов натянет леску,
а ты, иди, её держись
и наводи земную резкость.

Глотая воздух, поспевай
кота поглаживать по спинке;
есть время – постиженья тайн,
и время есть – сдувать пылинки.

Вот рвётся шарф твой в небеса
за караваном птичьим к югу,
а значит, время – написать,
произнести слова друг другу.

Над сонной рекой

Горбатится мостик над сонной рекой,
Из ковшика льётся душистый покой,
И тень прикорнула к скамейке плечом,
В мерцающий свет мотылёк вовлечён.
Осенняя дудка,
Чуть слышный фонарь,
Кленовый шуршит под ногой календарь.
Бесцельно блуждает ослабленный парк,
И трогает горло в полосочку шарф.
Из птичьего клюва музыка плывёт,
А ветер щекочет небесный живот,
И мама ворчит:
– Одеда бы трико!
И смертное время ещё далеко.

* * *

Золотая рыба, сизый голубь,
оберег от горя и потерь.
Пригоршней горячий жжёный солод
на глазок по-быстрому – отмерь.

Перетри и брось в янтарный омут,
гладкие бока, жемчужный блеск...
Если не завидовать чужому,
столько открывается чудес!

Сад цветущий, нежная истома,
утренняя дымка и роса.
Мама на крыльце родного дома,
а у мамы – девичья коса.

Господи, достаточно ли, много,
высмотрев на небе синеву,
веровать, как все – хожу под Богом
и любую хмарь переживу.

* * *

Октябрьские ритмы и краски,
дождями прибитая пыль.
Опять отрешён и неласков
и зря говорить:
– Пересиль
суровый и мрачный рассудок.
Текучая речь холодна,
где ты разливаешь в посуду
остатки густого вина.
Ещё мотыльком на ладони
полуденный блик не исчез,
но так горделив, непреклонен
неверящий в слёзы невест.
Вот вяз наклоняется к иве,
не это ли признак любви?
Здесь птице весной быть счастливой
и гнёзда уютные вить.
Гремящая тьма за кордоном,
и зимы пока далеко;
листок опадает кленовый,
не видя досады людской.
Наверное, так справедливо:
не ждать благодущных вестей,
течёт, как янтарное пиво,
свет в пригоршни, делая злей

последних лишенцев надежды
на дом, где согреют сердца...
Играет листвой ветер свежий;
и это начало конца.

* * *

Окна в сад выходят, осенний сплин,
головная боль от холодных встреч.
За небесный край зацепился клин,
журавлиный клинч,
и не пренебречь уходящим светом,
окрашен день в горьковатый дым:
осень жжёт мосты.
Здесь готова в сон отойти сирень –
чаровница пенная. За пустырь
переброшен войлок бесцветных туч,
и не виден глазу лазурный бот...
Льёт на землю горечь ночной сургуч,
но листва напрасно прощенья ждёт.

* * *

В одуванчиках бродит рассвет,
к лёгкой пене слегка прикасаясь.
Серебрится небесный браслет,
белый пух, будто мех горностая.
И такая вокруг благодать,
что покажется рай – не иначе!
В изумрудную зелень молчать
опускается солнечный зайчик.
Вот на краешек влажной листвы,
где коровка карабкалась божья,

свет снижается – чист, шелковист,
безупречен и ярк до дрожи.
Оторвёшь лепесток у цветка,
словно крылышко красного лета,
и тоска защежит вдруг, тоска:
ведь когда-то закончится это.

* * *

Под крылом – не пустоты,
тёмно-синяя заводь,
дети птиц – большероты,
а людские – курчавы.

Над гнездовьями небо,
облака и зарницы;
в Бога веруя слепо,
сеешь рожь и пшеницу.

И от этого благо
и пчелиная щедрость,
над слоистым оврагом
одуванчиков cedра.

И такое раздолье,
что живи – сколько хочешь,
где разлит над юдолью
запах нежный, цветочный.